
Климентина Чугункина
Леди в замке
18+

Климентина Чугункина

Леди в замке

«Автор»
2026

Чугункина К.

Леди в замке / К. Чугункина — «Автор», 2026

Молодой художник Луи принимает предложение своего лучшего друга Шарля и отправляется на каникулы в его фамильный древний замок. Охота и рыбалка, живописные ландшафты для творческого вдохновения - что может быть лучше? Более того, в замке в уединении множества пустующих комнат обитает привлекательная особа - сестра Шарля. По ночам она скачет галопом на своём ретивом белом скакуне, что как нельзя более разжигает пламя чувств впечатлительного художника. Он готов на подвиг ради сжигающей его страсти, а холодная виконтесса лишь насмехается над ним. Она занята куда более опасными секретами, чем ведают мужчины.

© Чугункина К., 2026
© Автор, 2026

Климентина Чугункина
Леди в замке

Пресытившись столичной светской жизнью, я принял предложение своего лучшего друга, виконта Шарля де Ноэ, провести остаток лета в одном из фамильных древних замков, принадлежавших его семье.

- Там очень живописные ландшафты, - сказал он, когда мы находились уже на полпути к месту назначения. – Что ещё нужно для хорошего отдыха на лоне природы? А возможно появится прилив новых сил для творчества. Кто знает? Вдруг пейзаж этих мест станет твоим очередным шедевром.

Мы оба тогда увлекались живописью и считали себя вполне сносными художниками.

- Вдобавок, - не унимался друг, - вокруг замка замечательные охотничьи угодья, пруды, полные озёрной форели, а в лесу поблизости протекает речушка с цепью маленьких водопадов. Нам будет, чем заняться.

Итак, времяпрепровождение было делом решённым, и уже через трое суток я с комфортом разместился в его родовом гнезде, в котором он вырос. Шарль только предупредил, чтобы я не вздумал ходить в левое крыло. Оно якобы очень старое и там небезопасно находиться. Но друг так хорошо меня развлекал, что мне некогда было размышлять, кроется ли какая-то тайна в этом запрете. Погода стояла просто замечательная. Мы не преминули использовать эту возможность и посвящали первую половину дня охоте, рыбалке и купанию, а вечера оставляли философским и искусствоведческим спорам, засиживаясь до глубокой ночи на чудесной террасе с видом на парк. Но в отношении творческой работы леность овладевала нами настолько, что мы предавались ничегонеделанию больше, чем предполагали. Я и думать забыл о столице, как будто жизнь в уединении была свойственна моему характеру от рождения, хотя подобное скорее можно было приписать Шарлю.

Первый раз, когда я заметил удаляющийся по галерее женский силуэт в белом, я решил, что мне пригрезилось, и не придал этому значения. Потом мне снова показалось, что я вижу кого-то на башне, хотя было уже темно, чтобы утверждать с уверенностью. В третий же раз я был абсолютно убеждён, что хорошенькая женщина не плод моего воображения.

Я тогда стоял на открытом месте, освещённом солнцем, дожидаясь возвращения Шарля с конюшни, и случайно взглянул вверх, и заметил в узком окне лицо молодой женщины. Она обладала той совершенной красотой, которая заставляет любого мужчину моментально терять голову и превращаться в глупца, особенно если он изначально предпочитал общество дам компании кавалеров. Я снял шляпу и легко поклонился, стараясь при этом не пожирать её глазами. Она будто вовсе не заметила моего движения, хотя, уверен, смотрела прямо на меня. Я был даже очень джентльменом, чтобы не оскорбиться её показному равнодушию (результату её скромности или гордости?), но её поведение всё же несколько затронуло моё самолюбие. В обществе я слыл сердцеедом и дамским угодником, но никогда не заводил своих отношений дальше лёгкой игры. А как только вздохи, флирт, свидания или сама дама мне надоедали, я тут же терял всякий интерес к объекту своего якобы «обожания». Но теперь я вдруг забеспокоился, что сердце моё может быть затронуто несколько глубже, чем мне бы хотелось. Впервые моя увлечённость женскими образами могла перерасти в нечто более серьёзное. Я снова поднял взгляд на женщину в окне. Так легко было представить её несчастной пленницей этого древнего замка с толстыми стенами и узкими окнами.

Я едва ли заметил подошедшего Шарля.

- Ты видишь её? – спросил я, чуть кивнув и указав взглядом в нужном направлении.

Он посмотрел на окно, но на его лице не отразилось и тени удивления, а женщина не была заинтересована в Шарле точно так же, как и во мне. Она смотрела и думала о чём-то, ведомом ей одной.

- Конечно. Это моя сестра.

- Сестра? Но я всегда думал, что ты единственный ребёнок в семье. Или ты имеешь в виду, что она одна из твоих кузин?

- Нет. Она моя родная сестра.

Я никак не мог в это поверить, тем более что два родственника отличались друг от друга, как день и ночь. Шарля можно было признать красивым лишь условно.

- Её зовут Мэделин, - продолжил он. – Ей двадцать два года (нам было по двадцать четыре). О ней не принято говорить за пределами нашей семьи.

- Почему? Она незаконнорожденная? Или находилась в связи и теперь отбывает заслуженное наказание, скрываясь в этой глуши?

Мы были достаточно близки, чтобы я мог спрашивать его о таких вещах.

- Ни то, ни другое. Просто она живёт затворницей. У неё от рождения очень слабое здоровье, а это наложило свой отпечаток на её образ жизни и мыслей. Мэделин ненавидит общество и вообще презирает людей.

Я снова решился посмотреть на красавицу-виконтессу. Она словно бы знала, что мы говорим о ней, потому что на долю секунды её хорошенькое лицо исказила презрительная гримаса, ничуть не испортив общее впечатление, а потом она и вовсе исчезла из виду.

- Почему ты мне раньше о ней не рассказывал? – спросил я, одновременно обдумывая её странное поведение. Не хотелось, чтобы затворница оказалась ещё и полубезумной. Всё-таки такая симпатичная мордашка. Нет, не мордашка, а самая настоящая богиня, которую хочется носить на руках.

- Я ведь уже сказал. О ней не принято упоминать вне нашего круга. Приглашая тебя сюда, к слову сказать, по её разрешению и согласию, я не ожидал, что она покажется тебе на глаза. Вообще-то весь этот замок со всеми его угодьями её собственность. Таково было завещание нашего деда, так что мы гостим у Мэделин. Всё здесь принадлежит ей, но сестра облюбовала лишь левое крыло. Зная её неприязнь к посторонним, я попросил тебя туда не ходить, хотя мне и пришлось несколько исказить причину. И тебе не следует больше думать о ней. Я говорю это не как её брат и не для того, чтобы тебя задеть. Просто Мэделин ни для кого из мужчин. Но если мы намереваемся идти к водопадам, а не стоять тут весь день, нам пора.

Я решил не настаивать и вновь переключился на наши летние развлечения в манере исследователей диких и неизведанных мест. Однако к вечеру все мои мысли снова обратились к загадочной сестре моего друга. Как такая красавица может жить отшельницей? Чем она заполняет свои дни? Почему не выносит людей? Тщетно проходил я пару раз перед тем окном, потому что облик её совершенного лица никак не желал выходить у меня из головы. Я понял, что это своего рода вдохновение, и оно не оставит меня, пока я не разузнаю побольше о том, что меня волнует, либо не попытаюсь как-то снять это напряжение творческим путём. Поэтому я решил побудить Шарля рассказать мне о Мэделин ещё, и приступил к этому, когда мы отправились на террасу пить кофе.

- Зачем тебе это? – искренне поинтересовался он, но другого вопроса от брата я и не ожидал.

- Хочу написать её портрет.

Это было лишь долей правды.

- Луи, какой из тебя портретист? Ты в жизни не брался ни за что, кроме пейзажей. К тому же и Мэделин не согласится.

- Я смогу уговорить её, если с твоей помощью узнаю о ней побольше. Пожалуйста, Шарль, иначе мне никак не избавиться от её образа. Я буду грезить о нём и днём, и ночью. Ты хочешь, чтобы остаток лета и наши каникулы превратились для меня в мучительную пытку?

- В тебе говорит хищник-самец. Разве в столице было мало хорошеньких леди? И кто говорил, что больше видеть не может женщин с их хитростями и уловками? – начал подтрунивать он.

- Прекрати. Нашёл повод для шуток. И твоя сестра интересует меня исключительно с художественной точки зрения.

- Так я тебе и поверил! – он глотнул кофе. – Я выполню твою просьбу, но лишь потому, что мне доставит большое удовольствие лицезрение твоей физиономии, когда ты услышишь её ответ. Насколько я знаю, Мэделин никогда не стеснялась в выражениях, а ведь Дон Жуан прежде не знал отказа. И ещё ты должен пообещать, что никогда никому не станешь говорить о моей сестре.

- Я обещаю, - поклялся я чуть ли не торжественным тоном в предвкушении услышать желаемое. В данной ситуации я наобещал бы чего угодно.

- Я немногое могу рассказать. Мэделин всегда была замкнутой натурой, а в детстве ей почти не разрешали играть со мной в силу её хрупкого здоровья. Она рано научилась читать, и наука стала её единственной страстью. Любовь к знаниям ей привил дедушка Ноэль, который души в ней не чаял и едва ли не единолично занимался её воспитанием, потому что, по его словам, девочка родилась при счастливом расположении звёзд. Так что сестра не училась в пансионе и у неё не было гувернанток, она также никогда не покидала этих мест и своего замка. Наши родители не были против такого расклада, во-первых, потому что дедушку невозможно было в чём-либо переубедить, а во-вторых, у них уже был я, старший сын и наследник. Хотя дед и позаботился о том, чтобы его любимица не знала нужды, отписав ей эту местность, во всём остальном родители могли не беспокоиться, что я буду обделён. А мне всегда хотелось оберегать Мэделин, но она сторонилась даже меня. Дед был единственным по-настоящему близким ей человеком. Конечно, она никогда не прогоняла меня, если я приходил к ней, и казалось, слушала с видимым интересом, что я говорю, или соглашалась поиграть, но сама говорила мало и отвечала односложными словами, а играла лишь, чтобы доставить удовольствие мне. Я чувствовал, что ей комфортнее в одиночестве, и оставлял её, но через некоторое время приходил снова. Думал, такое слабое существо нуждается во мне, а она, рано повзрослевшая, позволяла мне опекать её. Понимаешь, её болезнь крайне необычна. Её нервная система настолько тонко и чутко реагирует, что, стоит ей чуть перевозбудиться, она становится склонной к припадкам. Любое возбуждение, и она падает в обморок от переизбытка чувств, а потом лежит в постели несколько дней, поправляясь от утомления. Вот, пожалуй, и всё, что я знаю. Могу добавить лишь, что мы с ней несколько лет не виделись, и в чём-то она могла перемениться за этот срок. С её стороны, конечно, очень любезно было позволить мне и тебе приехать сюда. И хочется надеяться, что мы с тобой не злоупотребим её гостеприимством и своими действиями и поступками не ухудшим её самочувствия.

Я молчал, пропустив его намёк мимо ушей. Мне страстно захотелось стать тем единственным, кто выведет бедняжку из этого тяжёлого состояния и излечит от болезни. Пришла мысль, что ради неё я даже могу навсегда распрощаться с высшим светом, а это значило, что я готов на величайшую жертву со своей стороны и уже безнадёжно влюблён. Я не обмолвился с Мэделин и словом, но уже сходил по ней с ума. Шарль смотрел на меня с нотками сочувствия и негодования.

- Что? – вопросил я несколько резче, чем следовало.

- Ничего, просто подумал, что зря тебя сюда привёз.

С этими словами он оставил меня одного на террасе.

Я не спешил уходить. В такую прекрасную ночь мне всё равно бы не удалось заснуть. Мои чувства были обострены до предела, как и у всех влюблённых, но на самом деле в душе я не особо романтик. Мне приходится им быть, чтобы кружить дамам головы и завлекать их в свои сети. На небе блистали мириады звёзд, а полная луна только-только показалась над верхушками деревьев парка. И вовсю верещали цикады. Так громко, что заглушали собой все остальные звуки. Как хорошо было сидеть здесь сейчас. Но смог бы я и дальше жить подобным образом в этом древнем замке? Смог бы вовсе не думать об обществе, о Шарле? А остепениться? В голове возник образ прекрасной Мэделин, и я снова понял, что готов на оба вопроса ответить утвердительно. Внезапно вдохновение охватило меня с новой силой, и я решил, что крайне необходимо излить на бумагу всё, что накопилось во мне. Я не имел склонности к стихосложению, но почти мгновенно на салфетке друг за другом возникали следующие строки.

Голос луны
Я спросил у луны, обратясь к ней несмело,
Где красавица, та, что мои чувства задела,
Что заставила сердце моё трепетать,
И лишь думать о ней, и мечтать, и вздыхать.

Мне луна отвечала
В ореоле холодного света:
«Будь моя воля, я бы молчала,
Но ты жаждешь ответа.

В мире сотни красавиц,
Ожидающих свою половинку,
Так желают понравиться;
Ты же влюбился в картинку.

Просто в образ. С душой ты её не знаком.»
- Не права ты, луна, замолчи…

Тут у меня сломался карандаш, и я замер, обессиленный написать что-либо ещё. Я пошёл в дом, чтобы поискать, чем бы его подточить, но ещё не слишком хорошо знал просторные залы и протяжённые галереи, а Шарль не удосужился оставить зажжённый свет. Так что когда вернулся, то и думать забыл о продолжении сочинительства, тем более что Мэделин собственной персоной стояла на террасе в тёмной амазонке и читала то, что я только что написал. Она услышала мои шаги и вскинула голову.

- Ветер разметал салфетки, - её голос оказался прелестным, под стать фигурке. – Я подняла эту, потому что подумала, то, что на ней написано, может оказаться важным для вас.

Она не говорила так, словно пытается оправдаться.

- Вы прочли? – спросил я, почувствовав, как вспыхнули мои уши. Прежде такого перед дамами со мной не случалось, я всегда был уверен в своих силах и возможностях, но эта женщина воистину превращала меня в мальчишку. По крайней мере из-за теней на моём лице моё смущение не было так заметно.

- Да, - лаконично признала она, кладя злополучную салфетку на стол.

Смысл стихотворения был предельно ясен, но Мэделин никак не показывала, что приняла мои чувства. Я был в замешательстве. В её молчаливом присутствии я окончательно потерялся.

- Вы не согласитесь составить мне компанию? – наконец предложил я, потому что не знал, что бы ещё такого сказать. Любое остроумие тут казалось неуместным, она бы не оценила его. И зачем только природа наградила некоторых женщин способностью к научным занятиям?

- Простите, но мне нужно отвести Неустрашимого в стойло.

Только теперь я заметил среди кустов белеющее пятно её лошади.

- Вы катались верхом в такой час? – искренне удивился я, поражённый её храбростью. Какая бы ещё дама отважилась на это? Но наверняка она знала здесь все окрестности как свои пять пальцев и могла бы добраться до замка в абсолютной темноте и с закрытыми глазами, а крупных хищников – волков, вепрей, медведей, как успел поведать мне Шарль, здесь уже давно не водилось.

- Я живу во тьме, - раздался её удаляющийся голос.

Она и не думала задерживаться на террасе, а я выругался про себя, что не сообразил проявить настойчивость, но догонять её в этой кромешной тьме опасался. Так что мне ничего другого не оставалось, как отправляться в свою комнату.

На следующее утро я не стал говорить Шарлю, что успел познакомиться с его сестрой. Если, конечно, это можно было назвать знакомством. Мэделин должна была знать, кто я, раз разрешила нам приехать, но её незаинтересованность моей персоной выводила меня из себя.

Следующие несколько дней она не подавала о себе никаких вестей, а на все мои предложения навестить хозяйку в левом крыле Шарль неизменно отвечал отказом. По его словам, сестра не выносит, когда кто-либо вторгается на её территорию без приглашения. Подобная бесцеремонность может вызвать у неё очередной приступ болезни. Даже слугам не позволено нарушать её уединение. Еду они оставляют на специальном столике в начале коридора, на нём же находят все распоряжения, написанные её рукой, в том числе время уборки комнат, когда она неизменно отсутствует в часы прогулок или астрономических наблюдений на башне.

- Так что тебе лучше оставить всякую надежду нарисовать её. Если Мэделин не захочет, ты её больше не увидишь, - посоветовал мне друг.

Я пытался тайком от него ещё раз застать её поздним вечером, но либо ненарочно засыпал от усталости, так и не спустившись вниз, либо только слышал ржание и поступь её коня, стоя на террасе, но не видел её саму. Один раз я было поднялся на несколько ступенек лестницы левого крыла, но так и не решился двинуться дальше, остановленный мыслью, что я всё же могу стать причиной её нездоровья (если она действительно была так слаба, как уверял меня её брат, хотя тем вечером по тому, как она вела себя верхом, я этого не заметил). Тогда я стал подкарауливать у хозяйственных пристроек в надежде, что она выведет Неустрашимого, а на нём она каталась почти всякую ночь. Таким образом я стал следить за ней и считал себя успешным в маскировке, потому что ни разу не был обнаружен. Правда я не высыпался, и Шарль стал замечать, что я не слишком внимателен на охоте, но я отвечал, что это духота так на меня влияет.

И вот однажды я обнаружил подсунутую под дверь своей комнаты записку.

Мой брат должен был предупредить вас, что я предпочитаю одиночество. Общество мне ненавистно. Однако ещё больше я не терплю слежки. Чтобы в дальнейшем оградить вас от поведения, недостойного джентльмена, я уделю вам своё время. Но, как я уже сказала, я живу во тьме. Так что, если осмелитесь, поднимайтесь сегодня после полуночи на ту башню, где я занимаюсь астрономическими наблюдениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.